

М.А.Дмитриева

РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК XX ВЕКА В ПЬЕСАХ ЛЕОНИДА ЛЕОНОВА

Советская Русь и дореволюционная Россия объединены в творчестве Леонида Леонова глубинными, неразрывными узами. Драматург создал «театр мысли», в котором показал моральный разлад русского человека XX века с собой и миром, и в большевистской России и в эмиграции. Духовными исканиями отмечены у него судьбы основных героев русской советской истории: эмигранта, партийца, воина, колхозника, студента, репрессированного. В пьесах драматурга отразились тайные и явные противоречия в характере современника, спровоцированные революционными катаклизмами. Однако все его персонажи в результате рассматриваются как трудная, но ищущая взаимопонимания и единства друг с другом русская семья.

Ключевые слова: идеология, тайномыслие, эмиграция, партия, Советская Россия, конфликт, библейская символика

С 30-х годов XX века ярко заявляет о себе драматургический талант Леонида Леонова. Он пишет «узорчатые» по языку пьесы, строит сюжеты на социально-этических коллизиях, наполняет их библейской символикой, философским диалогом. Леонов не верит в возможность революционно-карательным способом залечить социальные болезни общества. «Художественная система Леонова сложна, затейлива, зашифрована.(...) По его собственному признанию, он всегда искал отвечающие времени формулы мифа, ориентируясь в первую очередь на библеистику и апокрифический эпос, а также на открытия Ф.М.Достоевского...» [1, с. 743]. Несмотря на сложившийся таким образом эстетический канон Леонова, не все его произведения смогли отразить драматизм русской советской истории.

Искомый синтез был достигнут в драме «Метель» (1936), парадоксально смелой, как будто написанной в эмиграции (неслучайно ее восхвалял Георгий Адамович). Если в одноименной повести Пушкина образ метели был символом Промысла, расставляющего все по местам, то в пьесе Леонова непогода указывала на необратимый драматизм исторического момента, длительную историческую пургу и бездорожье. С невиданной прямоотой Леонов заявил о том, что дореволюционное прошлое нельзя хирургически отсечь, — с ним надо считаться. Одновременно он психологически точно воссоздал атмосферу страха, арестов, всей неестественности жизни советского человека тридцатых годов. Действие «Метели» разворачивается в семье со сложным прошлым, со своими темными «недрами». Глава ее, Степан Сыроваров, обозначен как «директор чего-то». Скоро мы узнаем, что в этом внешне «правильном» человеке бушует карамазовское сладострастие, тайная жажда роскошной жизни. За границей, а Степан Сыроваров готовится к официальной командировке за границу и дальнейшему бегству, его ждет большая сумма денег, которую он заработал на процентах в советском торгпредстве. Деньги Степана «сторожит» в Париже брат главного героя, белоэмигрант Порфирий Сыроваров. В пьесе разворачивается художественная интерпретация мифа о библейских братьях с разной судьбой. Степан не просто алчет своего часа, он готов уничтожить любого, кто помешает ему в достижении заповедного рая. Дома Сыроваров говорит много антисоветского, но сам перебивает себя, — он знает, что сейчас научились «подслушивать даже через электрические лампочки» [2, с. 349]. Да и остальные герои живут в подозрительности: «А у нас сосед — жуткий доносчик. Жильцы даже отравить его собирались коллективно, — говорит Валька, подруга падчерицы Сыроварова, — только бояться. Он сядет в коридоре на табуретку и все слушает, слушает с блокнотиком» [2, с. 349]. «Надоело случайности судьбы, эта трясушка и гнойный пот ожидания по ночам!» — иступленно заявляют лучшие персонажи Леонова. Когда Катерина, жена Сыроварова, сообщает ему, что за их домом следит человек с «черной повязкой через глаз», муж заставляет ее выключить свет и на коленях ползти по комнате к окну, чтобы понять, кто там. «Не хочу, я не хочу на коленях! Люди не должны ползать, не должны! Они тогда как грязь делаются, как грязь...» [2, с. 362] — со слезами отвечает измученная Катерина. Она не только не любит и презирает Степана, — на ней лежит «грех» двоежничества. По воле обстоятельств, ради будущего дочери Зои, ей пришлось забыть о своем настоящем, венчанном супруге Порфирии и выйти замуж за его брата, большевистского приспособленца. Зоя спрашивает у матери, каким был ее отец: «Красивый, наглый, хлюст такой, наверно?» Так советская девушка озвучивает типизированные советские представления об эмигрантах. Катерина описывает его с нежностью: «Он был длиннорукий, неуклюжий, но добрый. Сильный очень». Зоя символизирует в пьесе совесть лучшей советской молодежи. На новогоднем празднике она объявляет друзьям и жениху, что ее настоящий отец жив. В ответ на это признание гости покидают квартиру Сыроваровых. Вскоре выясняется, что Зоин отец, Порфирий Сыроваров, вернулся домой, в Россию, «за правдой». В боях под испанской Гвадалахарой в 1937 году Порфирий сражался, чтобы искупить свой грех перебежчика. С тайным ужасом встречает брата Степан. Действие «развивается сложными, нередко потайными ходами, и порой вовсе нелегко бывает догадаться, чем подготовлено, как созрело и совершилось то или иное событие, и какие следствия оно за собой повлечет» [4, с. 140]. Часто в пьесах Леонова «получают разрешение те конфликты, те страсти, что годами складывались и вызревали в судьбах героев, а теперь, под влиянием обстоятельств, прорываются наружу» [4, с. 140]. Исстрадавшийся эмигрант-Порфирий оказывается ближе к народной правде, нежели хитрый партиец Степан. «Грешник» становится праведником, с

праведника срывается благостное обличье. Ворованные деньги брата Профирий возвращает советской власти — Степану не видать «вожделенных миллионов, женщин и благословенных озер», его ждет суровое наказание. Герои будут рассуждать о Степане, кто он: «враг или просто вор»? Решат, что враг. Ведь бежит он за границу не ради белой идеи, а ради сытой жизни. Однако и Порфирий не идеален. Фамилия героев приобретает символические обертона. Они еще не «уварились» до твердости в некоем духовном котле, — не оформились. В то же время в «Метели» Леонову впервые удалось точно и объемно передать коллективный народный характер [4, с. 180]. Это и слепая старица Марфа Касьяновна, похожая на житийных православных стариц, идейный большевик Поташев, умеющий думать и прощать, новый жених Зои, Мадали Ниязметов, эмигрант Порфирий Сыроваров, колхозники, появляющиеся в пьесе, и тетка Лиза, «огромная, как Родина»: «Ни в каком зеркале не помещается... на озеро глядеться ходит!» Впервые в драматургическом творчестве Леонова понятие народ приобретает образную конкретность. Автор объединяет в некую сложную, горькую, мало счастливую, но ищущую высшей правды семью и партийцев, и прямодушных колхозников, и нервных эмигрантов, и советскую молодежь, не знающую, как вести себя в идеологически сложных ситуациях. Ответ для Леонова один: надо поступать по нравственности, по духовной интуиции, по совести и любви. В «Метели» Леонов выказывает тайную надежду на то, что разобщенная нация найдет в себе силы объединиться. Только в 1962 году с пьесы был снят запрет, а свое новое звучание она приобрела в девяностые годы, во времена «возвращенной литературы».

О вторжении в национальный мир немецких «нибелунгов» заявил Леонов в эпической пьесе «Нашествие» (1942). В духе толстовского эпоса частная жизнь семьи Талановых (талан — доля) была вписана драматургом в историю народной войны. Леонов создавал пьесу в волжском Чистополе, в атмосфере древнего русского быта. Сражения проходят где-то рядом, читатель и зритель узнает о них из реплик героев, но главная борьба в пьесе разворачивается за духовный фронт, за укрепление национального мировоззрения. Писатель сравнивал народные муки с огромной домной, в которой плавятся какие-то новые качества завтрашней жизни и происходят какие-то сложные процессы, которые сегодня еще невозможно предвидеть. Пьеса насыщена электричеством эпохи. В отличие от иных «ровных», «гладких» военных пьес, похожих на агитки, он изобразил в «Нашествии» страну такой, какая она была на самом деле в своих недрах: полной тайных разногласий, не обладающей духовной монолитностью. «Этот общий конфликт времени — Советский Союз и фашизм, русские и немцы — становится в пьесе Леонова еще и условием для постановки своих внутренних "русских вопросов»[5]. Перед лицом фашистского нашествия, в условиях небывалой чрезвычайности выяснилось, что многое надо еще и еще пересмотреть, проверить, переоценить.

Главным героем драмы стал «блудный сын», репрессированный Федор Таланов, возвратившийся в родной город из заключения. В первой редакции пьесы он был осужден за то, что стрелял в женщину из ревности, что делало несколько странной реакцию семьи — страх — на его возвращение. Во второй редакции, созданной в 60-е годы, раскрывался истинный смысл трагедии Федора: он — жертва политических репрессий [5]. Федор горько-иронично рассказывает о своем житье-бытье из лагерной жизни: «...Через болото тысячеверстное трассу вели... под самый подбородок, так что буквально по горло занят был» [2, с. 526]. Федор жалуется няньке Демидевне, что «продрог» шибко, «на всю жизнь теперь продрог». Чтобы преодолеть душевный холод личной обиды, нянька советует ему «надеть шинельку», т.е. Федор должен включиться в борьбу против немцев, ужаснуться народным страданиям. Так он и делает, выдав себя фашистам за известного комиссара Колесникова, приняв мученическую смерть на виселице. Именно от «путаника» Федора услышим мы в пьесе символическую реплику, отпущенную им на допросе:

— Мосальский: Ваше звание, сословие, занятие?

— Федор: Я русский. Защищаю родину.[2, с. 527]

Подобно главной идее «Слова о полку Игореве», в «Нашествии» звучал призыв к единению народа перед угрозой «новой орды». Удивительно, что Леонову на «сталинском материале» удалось обозначить мистическое переживание народом Верховной Власти, его близость к монархической идее как таковой.

Проникнутый уважением к белоэмигрантскому миру, Леонов выводит в «Нашествии» предателя, старика Фаюнина, бывшего хозяина мануфактуры, который сыплет старославянизмами, но мечтает пройти под Спасскими воротами Кремля под защитой гитлеровских знамен. Ради возвращения своей фирмы Фаюнин работает на немцев, присутствует на кровавых допросах и будет убит в финале русским «пареньком в шинельке». Отечественная война в пьесе рассматривается как историософская проблема, и образ победы дается в диалектическом освещении. В 1943 году пьеса была удостоена Государственной премии СССР.

К сожалению, несмотря на духовный реализм драматургии Леонова, его многомерный подход к острым историческим моментам, пьесы автора — редкий гость сценической площадки, они остаются «непрочитанной» театральной страницей. Дело в особой синкретичности мышления художника, когда эпика стремится остановить развитие пьесы, подавляет монументальностью изображаемого. Однако драматургия Леонова до сих пор актуальна, ведь драматург «представил нам потрясающий образец того, каким может быть сознание человека и человечества накануне и во времена апокалиптических событий» истории [3, с. 81-82].

Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант РФФИ № 15-04-00093).

1. Вахитова Т.М. Леонов // Русские писатели. XX век. Биобиблиографический словарь: В 2 ч. Ч. 1. М., 1998. С. 737-744.
2. Леонов Л. Пьесы. Москва: Искусство, 1976. 776 с.
3. Любомудров А.М. Суд над Творцом: «Пирамида» Л.Леонова в свете христианства // Русская литература. 1999. № 45. С.81-82.
4. Рудницкий К. Портреты драматургов. М.: Советский писатель, 1961.
5. Старикова Е. О пьесе «Нашествие» Леонида Леонова [Электр. ресурс]. URL: <http://profilib.com/chtenie/112456/leonid-leonov-nashestvie-20.php> (дата обращения: 09.11.2017).

References

1. Vakhitova T.M. Leonov // Russkie pisateli. XX vek. Biobibliograficheskiy slovar': V 2 ch. Ch. 1. M., 1998. S. 737-744.
2. Leonov L. Pesy. Moskva: Iskusstvo, 1976. 776 s.
3. Lyubomudrov A.M. Sud nad Tvortsom: «Piramida» L.Leonova v svete khristianstva // Russkaya literatura. 1999. № 45. S.81-82.
4. Rudnitskiy K. Portrety dramaturgov. M.: Sovetskiy pisatel', 1961.
5. Starikova E. O p'ese «Nashestvie» Leonida Leonova [Elektr. resurs]. URL: <http://profilib.com/chtenie/112456/leonid-leonov-nashestvie-20.php> (data obrashcheniya: 09.11.2017).

Dmitrieva M.A. Russian person of the XX century in Leonid Leonov's plays. Soviet Russia and prerevolutionary Russia are united by deep and inseparable bonds in the works by Leonid Leonov. The playwright created "theatre of thoughts", in which he depicted moral discord of a Russian man in the twentieth century between himself and the world, in Bolshevik Russia and emigration. Destinies of his main characters are marked by spiritual quest: an emigrant, a warrior, a student, a repressed, and a farmer. Secret and obvious contradictions are reflected in a character of a contemporary man provoked by revolutionary cataclysms. However all his characters are considered as a hard but searching understanding and unity Russian family.

Keywords: ideology, secret meaning, emigration, party, Bolshevism, Soviet Russia, conflict, biblical symbolism.

Сведения об авторе. М.А.Дмитриева — кандидат филологических наук, доцент кафедры искусствознания Санкт-Петербургского Университета кино и телевидения; dmi-margarit@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 20.03.2018.